

**РЕФОРМИРОВАНИЕ ЖЕНСКОГО
ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В США В XIX в.**

Рассматриваются некоторые аспекты американских пенитенциарных реформ XIX столетия, связанные с женской преступностью и особенностями исполнения уголовных наказаний в отношении женщин. Освещены основные институциональные преобразования и итоги реформирования. Дан обзор современных концепций, отраженных в исторической и криминологической литературе и представляющих дискуссионные взгляды на изучаемую проблему. Автор приходит к выводу, что безусловные успехи кардинальных изменений женского тюремного заключения в течение XIX в. выразились в закреплении новых принципов и стандартов пенитенциарного содержания. Были улучшены условия заключения: в основном налажено медицинское обслуживание, установлен режим содержания матерей с детьми, создана система обучения детей в тюремных стенах, введена практика постпенитенциарного патронажа.

Ключевые слова: американская пенитенциарная реформа, женские тюрьмы, Американская женская тюремная ассоциация, социальный контроль.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.9

**S. A. Vasilieva. Reformation of women's imprisonment in terms
of penal reforms in the XIX c. United States**

The article discusses some aspects of the American prison reform in the XIX c., associated with female crime and peculiarities of penal treatment for incarcerated women. It reviews the main institutional changes and reform results. The problem of modern concepts in the historical and criminological literature representing controversial views on the problem is treated in the article. The author comes to the conclusion that the unqualified success of the radical changes in criminal justice system during the XIX c. resulted in the consolidation of new principles and standards of women's imprisonment, such as: well-established medical facilities, the detention of mothers with children, the system of children education inside prisons, the practice of post-penitentiary patronage.

Key words: American prison reform, women's imprisonment, Women's Prison Association, social control.

© Васильева С. А., 2016

Васильева Светлана Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории, Академия Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Москва, Россия, vasi-svetlana@yandex.ru (Cand. Sc., Associate professor, Deputy Head at the Department of Philosophy and History, Academy of Penal Service of Russia, Moscow, Russia).

Конец XVIII — начало XIX в. принято считать временем грандиозных перемен и «больших скандалов» в традиционной правосудии, породившим множество реформаторских проектов. Из многочисленных изменений в системе карательной юстиции ключевым моментом, безусловно, стало исчезновение зрелищности публичных казней и пыток и превращение тюрьмы в основную меру уголовного наказания. Подобные изменения, традиционно именуемые гуманизацией уголовных наказаний, неоднозначно оцениваются в криминологической и исторической научной литературе. Представители классической школы криминологии и уголовного права связывают трансформацию отношений общества и государства к исполнению уголовного правосудия с эпохой Просвещения и утверждением гуманизма как базового принципа человеческого общежития. Гуманистические принципы содержания заключенных, ставшие основой для широкомасштабных пенитенциарных реформ по обе стороны океана, предусматривали правовую защиту осужденных, раздельное содержание мужчин и женщин, медицинское обслуживание, улучшение санитарно-бытовых условий и др. Постепенно под влиянием всех этих изменений система наказания приняла четко выраженный исправительный характер, ее эффективность отныне определялась не зрелищностью пыток и казней, как некогда, а осознанием неизбежности и неотвратимости возмездия.

Сторонники неклассического взгляда на проблему рассматривают этот процесс как результат изменения социальной природы наказания. Вдохновившись одной из самых провокационных теорий — теорией французского философа М. Фуко, изложенной в его работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», исследователи анализируют «бестелесность» уголовно-исполнительной системы Нового времени. Если целью и смыслом наказания в Средние века был карательный захват «тела» и публичное причинение страдания, то реформированная система наказаний задумана таким образом, чтобы обеспечить применение закона не столько к реальному телу, способному испытывать боль, сколько к юридическому лицу, обладающему правом на жизнь. М. Фуко назвал это время «эрой карательной сдержанности», когда наказание не исчезает, а постепенно становится наиболее скрытой частью уголовной процедуры [Фуко, 1999: 7].

В последние десятилетия в зарубежных трудах по истории тюремного заключения социологической и криминологической направленности обозначилось интересное направление, связанное с необычайной популярностью гендерных исследований. Полемизуя с М. Фуко с феминистических позиций, С. Бартки обратила внимание на тот факт, что «тело» представлено им без определяющих половых признаков; это, на ее взгляд, существенно искажает анализ [Bartky, 2010]. В гендерных исследованиях пенитенциарной проблематики наиболее известна и актуальна теория социального контроля, предложившая более глубокий анализ тюремной системы как основы сохранения стабильности общественного порядка. Ревизионисты утверждают, что реформаторы тех времен руководствовались не столько гуманизмом, сколько желанием установить жесткую дисциплину и социальный контроль над опасными нестабильными членами общества [Platt, 1994]. Глубокий анализ и интересную интерпретацию теории социального контроля в проекции на реформирование женского тюремного заключения в XIX в. представила Н. Рафтер, американский социолог криминологической школы [Rafter, 1990]. Она, исследовав исторические условия реформирования

женской тюрьмы, выделяет два вектора такой модернизации. Первая модель соответствует общему контексту американской пенитенциарной реформы — последовательная институционализация и регламентация специализированных тюремных учреждений, от обособленной женской комнаты в общей тюрьме до отдельных тюрем для женщин. Вторая модель — создание качественно новых заведений исправительного характера, реформаториев. Туда попадали в основном женщины, обвиняемые в преступлениях против нравственности и нарушении общественного порядка (внебрачные связи, прелюбодеяние, пьянство, бродяжничество и пр.). Считалось, что, совершая подобное преступление, женщина теряет данную ей природой женственность, тогда как приговор к заключению в реформаторий предоставляет ей возможность улучшить характер и нрав, вернуться к добродетелям и честной жизни (см.: [Тарасов, Васильева, 2008]). Обе модели, считает Н. Рафтер, были одновременно проигрышным вариантом для женщины, так как трактовали ее в качестве материала для строительства мужского общества, а тюрьма в таком случае представляла собой механизм исправления «плохих женщин», не вписавшихся в патриархальное общество, не ставших послушными жен и недостойных матерей. В контексте исследований данного направления отношение к тюремным реформам XVIII—XIX вв. часто выглядит скорее негативным, загораживая такие безусловные успехи «гуманизации», как отделение женщин от мужчин, улучшение условий заключения, установление режима содержания матерей с детьми и т. д.

Принимая во внимание существующие теории, в данной статье автор попытался осветить некоторые аспекты реформирования женского тюремного заключения, осуществлявшегося при пенитенциарной модернизации в США в XIX в. Мы не беремся утверждать, что содержание и итоги этих реформ были определены исключительно гуманизмом и идеалами Просвещения. Однако нельзя не отметить безусловную успешность кардинальных изменений женского тюремного заключения в течение XIX столетия, закрепление новых принципов и стандартов пенитенциарного содержания.

История женского наказания и тюремного заключения в США восходит к драматическим ведовским процессам, перекинувшимся в Новый Свет из поздней средневековой Европы и ставшим неотъемлемой частью формирования американского общества. Всемирную известность приобрел захолустный американский городок Сайлем, где за 10 месяцев было повешено 14 женщин и 4 мужчины, четыре женщины умерли в тюрьме и одна сошла с ума. Когда сменившиеся городские власти остановили охоту на ведьм, в тюрьме Сайлема содержалось 150 осужденных женщин, еще 200 ожидали испытаний на ведовство. Всего же за время ведовских процессов более 80 % обвиненных в колдовстве и приговоренных к смертной казни оказались представительницами прекрасного пола [Karlsen, 1987: 12].

Волна гонений на ведьм стала спадать лишь в XVIII в., но меры наказания, применяемые к мужчинам и женщинам за сходные преступления, продолжали существенно различаться. Так, например, женщины, уличенные в прелюбодеянии или совершившие покушение на жизнь супруга, публично сжигались на костре, тогда как мужчины за подобные действия даже не представляли перед судом. С другой стороны, женщина могла избежать наказания «умоляя животом», т. е. будучи в положении. Подобное снисхождение касалось не самой женщины,

а ребенка, которого она носила: преступница рассматривалась как сосуд с невинной душой, нуждающейся в спасении [Dobash et al., 1986]. При столь различных подходах к мере наказания условия содержания мужчин и женщин в тюрьмах ничем не отличались вплоть до конца XVIII в.

Первые специализированные женские тюрьмы появляются в США в течение XIX в. В начале столетия женщины составляли тюремное меньшинство — 9—14 % от общего числа заключенных. Поскольку процент женщин-осужденных был невысок, специальных тюремных помещений для них не существовало: под дамские отделения отводились камеры или сектора в общих тюрьмах. Так, например, в знаменитых нью-йоркских «Могилах» («The Tombs») в 1837 г. 70 женщин размещались в 42 одиночных камерах. В другом нью-йоркском пенитенциарии 25 женщин располагались на чердаке тюрьмы, от мужчин их отделяло фанерное окно [Rafter, 1985: 7]. Нью-йоркский тюремный священник в 1830 г. писал о местной тюрьме: «Жизнь мужчин-заключенных в этом аду невыносима, что же до женщин, то смерть представляется мне куда более привлекательной участью» (цит. по: [Dodge, 1999: 908]).

Совместное с мужчинами содержание было причиной жесточайшей сексуальной эксплуатации со стороны заключенных и персонала мужского пола. Насильственная и добровольная проституция превращала женские камеры в бесплатные бордели. Беременность осужденных женщин являлась серьезной проблемой американских тюрем начала XIX в. Например, в 1826 г. Рейчел Уэлш, приговоренная к одиночному заключению в пенитенциарии штата Индиана, «неожиданно» забеременела и вскоре после рождения ребенка умерла, не выдержав побоев тюремного надзирателя. Любопытен тот факт, что на время вынесения приговора сравнительно небольшое число женщин ожидали ребенка, ведь подобное обстоятельство непременно учитывалось судом и часто было поводом к избежанию наказания. Тем не менее, согласно исследованиям Э. Фридман, женские тюрьмы изобиловали случаями «зачатия и незаконного рождения» [Freedman, 1981: 15, 30].

Отсутствие специальных женских камер и дополнительного персонала, совместное с мужчинами содержание нередко служили поводом к отмене приговора властями штата. Так, например, в Иллинойсе в 1850 г. решением губернатора почти половина женщин-заключенных (47 %) были освобождены от тюрьмы. Такая практика, похоже, часто применялась. По исследованиям Н. Харм, средний срок женского тюремного заключения в предвоенное десятилетие по приговору составлял 1,6 года, фактически же — 11,3 месяца. Причинами изменения приговора и сокращения срока заключения становились: смягчение обстоятельств преступления (32 %), беременность (19 %), болезнь (17 %), семейные обстоятельства (16 %), хорошее поведение в тюрьме (10 %), безумие (3 %), возраст (3 %) [Harm, 1989: 102].

Первый принцип реформирования женского тюремного заключения, получивший законодательное закрепление, — организация раздельного содержания мужчин и женщин. Формально положение о раздельном содержании осужденных мужчин и женщин начало действовать в северных штатах с 1828 г. Но фактически вплоть до 70-х гг. XIX в. отдельных заведений для женщин-осужденных не было. Главной проблемой, с которой столкнулись реформаторы, являлось отсутствие специальных помещений, пригодных для оборудования

под женские тюрьмы. Поэтому первым шагом стали повсеместные попытки организации женских отделений внутри общих тюрем со строгой изоляцией от арестантов мужского пола. В довоенный период так и не появилось ни одной специализированной женской тюрьмы, однако отдельные помещения были постепенно оборудованы практически в каждом штате.

Большую роль в развертывании реформаторского движения за изменение условий содержания женщин в заключении сыграла представительница квакерской общины англичанка Элизабет Фрай. Она радела за необходимое сочетание учебы и работы в женских тюрьмах, «выдворение» мужского персонала из этих учреждений, индивидуальный подход к каждой заключенной. Своим примером она закрепила практику леди-попечительниц — матрон, которые вели миссионерскую деятельность среди женского тюремного населения [Васильева, 2015]. Простые принципы, предложенные Э. Фрай, — религиозное просвещение, постоянная занятость, размеренность режима и вера в возможность исправления для каждой — в течение XIX столетия превратились в базовые постулаты пенитенциарной педагогики. Ассоциации реформирования женского тюремного заключения, созданные по примеру Британского дамского общества содействия данной реформе, появились во многих европейских странах и на американском континенте. В 1830—1860-х гг. такие общественные организации спорадически возникают в отдельных штатах. В 1870 г. с целью улучшить устройство женской тюрьмы была образована единая Американская тюремная ассоциация, объединившая усилия отдельных филантропических обществ.

Второе существенное нововведение коснулось организации труда среди женщин-заключенных. Отсутствие какой-либо занятости в тюрьмах оказывало губительное влияние на арестанток. Инспектировавшая женские отделения тюрем штата Иллинойс Д. Дикс в отчете за 1847 г. отмечала «праздность и отвращение от труда и, как следствие, мелкие стычки и крупные конфликты среди женщин» (цит. по: [Dodge, 1999: 911]). Власти различных штатов по-своему решали проблему занятости заключенных. Интересен опыт Иллинойса, где местная тюрьма г. Олтон была отдана в управление и своего рода в аренду некоему С. Бакмастеру. В его компетенцию входила забота о содержании заключенных: удовлетворение физических и духовных потребностей, организация медицинского обслуживания и т. п. В свою очередь, он имел все права на прибыль от их труда. Управляющему удавалось получать солидный доход от работ арестантов, в том числе женщин. Ежедневная прибыль от труда одного заключенного составляла сумму 1—1,5 долл. За год женское тюремное отделение поставляло до 4846 пар чулочных изделий, узницы преуспели в изготовлении шляп и пальто для местных чиновников, а также обеспечивали одеждой всю семью начальника. Прибывший в тюрьму фотограф так описал женский труд: «Целый день они проводят сидя за длинным столом, на котором навалена груда чулочных изделий и мотки шерсти. Их работа сводится к монотонному шитью и штопанью. Лица их равнодушны и безучастны» (цит. по: [ibid.: 924]). Ежедневная рутина и монотонность работы показались ему худшим из наказаний, хотя тюрьму он отметил как «образец опрятности». Стремясь увеличить прибыль, Бакмастер свел к минимуму издержки по содержанию заключенных. Даже для труда не было создано приемлемых условий: женщины занимались рукоделием в той же комнате, где спали и ели, что обуславливало очевидные неудобства. Инспекция Д. Дикс

выявила критическое состояние тюремного помещения, нуждавшегося в капитальном ремонте, аварийное состояние фундамента, подмывавшегося ежегодным разливом реки, грозившее обвалом всему зданию. Инспекция также констатировала отсутствие в тюрьме больницы, библиотеки, часовни, столовой, привычных уже к середине столетия в пенитенциариях северных штатов.

В связи с тем что беременность среди женщин-заключенных была, увы, нередким явлением, вопрос медицинского обслуживания в арендованной Бакмастером тюрьме Олтона стоял особенно актуально. Однако властей интересовала вовсе не этическая, а финансовая сторона дела. При заключении в тюрьму беременной женщины, роженицы или кормящей матери управляющий не только нес дополнительные расходы на содержание младенца, но и терял «рабочую единицу» в лице такой женщины. На обсуждение властей Иллинойса был вынесен вопрос об освобождении беременных женщин от наказания, «дабы невинный младенец не нес на себе клейма рождения в тюрьме». Однако предложение было отклонено из-за опасения, что беременность станет предлогом избежания заслуженного наказания. Более того, было принято постановление об устройении в тюрьме Олтона детской комнаты, что, с одной стороны, избавляло от необходимости миловать беременных женщин, с другой — сохраняло рабочие руки для управляющих [ibid.: 913—914]. В 1867 г. после ряда скандалов и под влиянием требований реформаторов аренда была отменена, тюрьма Олтона вновь стала подконтрольна властям штата, было назначено новое начальство.

Гражданская война внесла существенные изменения в условия женского тюремного заключения. В годы войны и после нее количество женщин-осужденных резко увеличилось. В Нью-Йорке в 1850—1860-х гг. за преступления против личности перед судом предстало втрое больше женщин, чем в предшествующие десятилетия; количество преступлений против собственности, совершенных женщинами, возросло в 10 раз. Рост тюремного населения был связан еще и с тем, что случаи освобождения женщин от заключения решением местных властей практически прекратились: если в 1850-х гг. в штате Иллинойс решением губернатора было освобождено приблизительно 47 % женщин, то в 1860-х — 23 %, в 1870-х — 15 %, а в 1910-х только 5 %. Срок пребывания женщин в тюрьмах увеличился до 2,2 года [Hart, 1989: 123]. Болезни и возраст больше не рассматривались как причина сокращения срока.

Значительные изменения происходят в этническом и расовом составе женщин-заключенных. В 1850-х гг. три четверти (75 %) женщин составляли иммигрантки, из них более половины (55 %) ирландского происхождения. Это были в основном женщины из прислуги, попавшиеся на воровстве денег или драгоценностей в хозяйских домах. Интересно, что по обвинению в проституции в довоенный период к тюремному заключению приговаривали сравнительно редко. В 1860-х гг. количество иностранок в тюрьмах в среднем уменьшилось до 63 %. Резко снижается ирландский компонент: к 1900 г. ирландки составляли всего 2 % от общего числа заключенных [Granger, 1987: 89]. После войны на место ирландских иммигранток в тюрьмах приходят афроамериканки. Уничтожение рабства повлияло на систему наказания. На смену рабскому труду во многих сферах — на железных дорогах, плантациях, в шахтах — пришел труд заключенных. В штатах Миссисипи и Джорджия, например, за период с 1874 по 1877 г. количество чернокожих заключенных возросло на 300 % [Rafter, 1985:

88, 144]. В южных штатах после 1870 г. в качестве меры наказания стали практиковаться каторжные работы на плантациях, на которых были задействованы в основном чернокожие женщины. Арестантки работали скованные каторжной цепью, часто использовались телесные наказания как мера дисциплинарного воздействия, несмотря на то что пенитенциарный закон от 1827 г. запрещал их применение. В отношении чернокожих женщин «для поддержания дисциплины» позорный столб и порка продолжали практиковаться в течение всего XIX столетия [Freedman, 1981: 78].

Правительства штатов, стремясь обеспечить плантаторов дармовыми рабочими руками, косвенно способствовали увеличению «черного» каторжного населения. Так, чернокожая, укравшая десять цыплят, осуждалась на срок, который белая женщина получила бы за убийство. По данным на 1880 г., в штатах Алабама, Луизиана, Миссисипи, Северная Каролина, Теннесси и Техас 37 % из 220 осужденных чернокожих женщин были приговорены к каторжным работам, тогда как из 40 белых — одна. Отличительная особенность чернокожих арестанток — сравнительно молодой возраст. Так, в северных штатах 42 % заключенных афроамериканок не достигли совершеннолетия (для сравнения: среди белых женщин 16 %), две трети были не замужем [ibid.: 151].

В южных штатах Верховный суд вообще избирательно относился к преступлениям, совершенным белыми женщинами. Почти никогда основанием для ареста не становилось воровство, тогда как афроамериканки попадали в тюрьмы и за меньшие проступки. Белым женщинам инкриминировались только особо тяжкие преступления — убийство, поджог и т. п. Южные тюрьмы для женщин характеризовались чудовищными условиями — антисанитарным состоянием помещений; отсутствием самого необходимого, в том числе медицинского обслуживания; высокой смертностью; произволом администрации. По заявлению судьи штата Северная Каролина, «существующая женская тюрьма представляла собой такое ужасающее место, что он не решался отправлять туда белых женщин, но для чернокожих считал это место вполне подходящим» (цит. по: [ibid.: 134]). Женщины размещались в самой старой части тюремного помещения и находились в полном распоряжении мужского персонала. В этой тюрьме часто рождались дети смешанного типа кожи. Для «непокорных» женщин использовалось «наказание в комнате запахов», когда несчастную запирали в узкий ящик, расположенный недалеко от кухни, чтобы «слышать только запах еды» [ibid.: 144]. Считая тюремное заключение продолжением рабского состояния, афроамериканки практиковали активные формы сопротивления тюремному режиму. В жалобах тюремной администрации следующий список «нарушений режима»: сквернословие, сексуальная нескромность, пьянство, громкое поведение, смех, лесбиянство.

Послевоенные годы характеризуются новым витком пенитенциарных реформ. Возросшее число женщин-заключенных давило на стены тюрем, зачастую возникали межрасовые и межнациональные конфликты. Увеличение тюремного населения и многочисленные требования общественности продолжить гуманизацию тюремной системы поставили вопрос о создании специализированных женских тюремных учреждений. В 1869 г. две представительницы квакерской общины штата Индиана Сара Смит и Рода Коффин, считавшие себя последовательницами Э. Фрай, возглавили кампанию против сексуального злоупотребления в отношении женщин, находящихся в заключении. Благодаря их стараниям

в 1874 г. в штате появилась первая женская тюрьма. К 1940 г. подобные тюрьмы были в двадцати трех штатах [ibid.: 112]. Гордостью властей штата Иллинойс стала женская тюрьма в г. Джолиет. Архитекторы учли все пожелания реформаторов — 50 камер, рассчитанных на 200 заключенных, часовня, столовая и больница. Руководство женской тюрьмой Джолиета взяла на себя жена начальника мужской тюрьмы, что было почти повсеместной практикой в то время. Прогрессивным нововведением стал найм постоянных медработников (медсестры) из расчета одна на каждые двадцать пять женщин [Dodge, 1999: 919].

Американские исследователи часто называют пенитенциарную реформу XIX в. результатом трех «измов»: ассоцианизма, феминизма и аболиционизма. Это были достаточно мощные и независимые общественные силы XIX столетия, каждая из которых на определенном этапе тюремной реформы не только выходила с инициативой, но и изыскивала достаточные средства для ее воплощения. Во второй половине XIX в. Американская женская тюремная ассоциация добилась показательных успехов: главным достижением реформаторов «первой волны», безусловно, стало отделение женщин от мужчин-осужденных. Мужской персонал был также постепенно исключен из штатов сотрудников женских пенитенциариев. Были улучшены условия заключения: в основном налажено медицинское обслуживание, установлен режим содержания матерей с детьми, создана система обучения несовершеннолетних заключенных и детей осужденных. Члены ассоциации добились повсеместной организации исправительных реформаториев, сумели организовать систему постпенитенциарного патроната. Практика американской реформы в отношении женского тюремного заключения получила высокую оценку на международных тюремных конгрессах (съезды официальных лиц, имеющих отношение к тюремным реформам), проходивших в Европе с 1872 г. Накопленный к тому времени полувековой опыт американской исправительной реформы, устоявшиеся институты, широкая общественная поддержка — все это позволяло Соединенным Штатам чувствовать себя признанными лидерами и даже учителями в пенитенциарном деле.

Библиографический список

- Васильева С. А. Элизабет Фрай — «ангел тюрем»: (деятельность британского филантропа и реформатора в оценках современников) // Вестник Пермского университета. 2015. № 3 (30). С. 143—148.
- Тарасов О. А., Васильева С. А. Особенности «второй волны» пенитенциарных реформ в Европе и США и ее влияние на изменение условий содержания осужденных женщин // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1. С. 46—52.
- Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
- Bartky S. L. Foucault, femininity, and the modernization of patriarchal power // *The Politics of Women's Bodies: Sexuality, Appearance, and Behavior* / ed. by R. Weitz. 3rd ed. New York: Oxford University Press, 2010. P. 76—98.
- Dobash R. P., Emerson R., Gutteridge S. *The Imprisonment of Women*. New York: Basil and Blackwell Publishers, 1986. 255 p.
- Dodge L. M. «One female prisoner is of more trouble than twenty males»: women convicts in Illinois prisons, 1835—1896 // *Journal of Social History*. 1999. № 32 (4). P. 907—930.
- Freedman E. B. *Their Sisters' Keepers: Women's Prison Reform in America, 1830—1930*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1981. 248 p.

- Granger L. *Lords of the Last Machine*. New York, 1987. URL: <http://ebook.stepor.com/book/lords-of-the-last-machine-the-story-of-politics-in-chicago-70134-txt.html> (дата обращения: 15.01.2016).
- Harm N. J. *Women Incarcerated in Illinois Prisons, 1843—1915: an Exploratory Study in Social Policy*. Chicago: University of Illinois, 1989. 343 p.
- Karlsen C. F. *The Devil in the Shape of a Woman*. New York: W. W. Norton, 1987. 370 p.
- Platt A. M. Rethinking and unthinking «social control» // *Inequality, Crime and Social Control* / ed. by G. S. Bridges, M. A. Myers. Boulder (CO); San Francisco (CA); Oxford: Westview Press, 1994. P. 72—79.
- Rafter N. H. *Partial Justice: Women in State Prisons 1800—1935*. Boston: Northeastern University Press, 1985. 269 p.
- Rafter N. H. *Partial Justice: Women, Prisons, and Social Control*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990. 290 p.

References

- Bartky, S. L. (2010) Foucault, femininity, and the modernization of patriarchal power, in: Weitz, R. (ed.), *The Politics of Women's Bodies: Sexuality, Appearance, and Behavior*, 3rd ed., New York: Oxford University Press, pp. 76—98.
- Dobash, R. P., Emerson, R., Gutteridge, S. (1986) *The Imprisonment of Women*, New York: Basil and Blackwell Publishers.
- Dodge, L. M. (1999) “One female prisoner is of more trouble than twenty males”: women convicts in Illinois prisons, 1835—1896, *Journal of Social History*, no. 32 (4), pp. 907—930.
- Freedman, E. B. (1981) *Their Sisters' Keepers: Women's Prison Reform in America, 1830—1930*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Fuko, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tiur'my* [Discipline and punish: The birth of the prison], Moscow: Ad Marginem.
- Granger, L. (1987) *Lords of the Last Machine*, New York, available from <http://ebook.stepor.com/book/lords-of-the-last-machine-the-story-of-politics-in-chicago-70134-txt.html> (accessed 15.01.2016).
- Harm, N. J. (1989) *Women Incarcerated in Illinois Prisons, 1843—1915: An Exploratory Study in Social Policy*, Chicago: University of Illinois.
- Karlsen, C. F. (1987) *The Devil in the Shape of a Woman*, New York: W. W. Norton.
- Platt, A. M. (1994) Rethinking and unthinking “social control”, in: Bridges, G. S., Myers, M. A. (eds), *Inequality, Crime and Social Control*, Boulder, CO, San Francisco, CA, Oxford: Westview Press, pp. 72—79.
- Rafter, N. H. (1985) *Partial Justice: Women in State Prisons 1800—1935*, Boston: Northeastern University Press.
- Rafter, N. H. (1990) *Partial Justice: Women, Prisons, and Social Control*, New Brunswick: Transaction Publishers.
- Tarasov, O. A., Vasil'eva, S. A. (2008) Osobennosti “vtoroi volny” penitentsiarnykh reform v Evrope i SShA i ee vliianie na izmenenie uslovii sodержaniia osuzhdennykh zhenshchin [Peculiarities of “the second wave” of penal reform in Europe and the USA and its influence on the changes of conditions of maintenance of women prisoners], *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiya*, no. 1, pp. 46—52.
- Vasil'eva, S. A. (2015) Elizabet Frai — “angel tiurem”: (Deiatel'nost' britanskogo filantropa i reformatora v ocherkakh sovremennikov) [Elizabeth Fry — “an angel of prisons”: (British philanthropist and reformer in the assessments of contemporaries)], *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 3 (30), pp. 143—148.